

ОБРАЗ КАЗАНИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА И ЛИДИИ ГРИГОРЬЕВОЙ

А.Ф.Галимуллина, доктор педагогических наук

Казань является одним из любимых тем для татарских и русских поэтов. Традиционно образ города связывается с представлениями о Казани как об одном из крупных учебных, научных, культурных центров России. Современные татарские поэты Р.Харис, Н.Гамбар, Р.Файзуллин, Р.Миннуллин и другие посвящают Казани стихи, поэмы, оратории, где Казань предстает как центр духовной жизни татар (город поэтов, композиторов, ученых, студентов), любимая родина, город-труженик, город с богатым героическим прошлым. Это родина Г.Р.Державина («О, колыбель моих первоначальных дней...») и Равиля Бухараева, который озаглавил один из своих сборников знаменательно «Казанские снега», выразив пророческое желание, которое, к сожалению, уже исполнилось: вернуться в них в конце жизни.

В данной статье мы сопоставим поэтическое воплощение Казани в творчестве двух известных поэтов Равиля Бухараева и Лидии Григорьевой, чья жизнь и творчество связаны с Казанью, не только первыми поэтическими публикациями, но и творчеством, и воспоминаниями, и друзьями, и какими-то тончайшими линиями, которых на первый взгляд и невидно. С некоторого времени эти два поэта, две масштабные Личности воспри-

нимаются мною в неразделимом единстве, и не только потому, что их помимо творческих, связывают еще и узы Гименея и удивительная духовная близость!

Если образ Казани в творчестве Равиля Бухараева, овеян чувством раскаяния, какой-то невыразимой вины перед своей далекой родиной, то для Лидии Григорьевой – это новый город, город ее юности, первых студенческих впечатлений, как она любит говорить: «Родина ее стихов». И если в поэзии Равиля Бухараева Казань становится лейтмотивной темой уже в зрелом возрасте, то у Лидии Григорьевой мы можем даже попытаться проследить его некую эволюцию – от юношеских стихов, в которых представлены поэтические зарисовки привычных для всех и даже будничных казанских реалий, в которых юная поэтесса находит необычные образы, до предмета ее поэтических сновидений, где она дает волю своей неумной фантазии.

Показательно, что многие свои юношеские стихи казанского периода Лидия Григорьева опубликовала в сборнике «Поэзия сновидений: стихи, которые приснились» (СПб.: Алетейя, 2015. 112 с.). Романтический образ Казани Лидии Григорьевой, став знаменитой песнью «Магазин «Цветы», исполняемой Софией Ротару, знаком многим ме-

ломанам 1970-х годов. Автор мелодии этой песни известный композитор Давид Тухманов.

Стихотворение начинается нарочито прозаически и буднично, не предвещая ничего романтического: «морозный вечер», «Сырой цементный старый магазин», замершие продавщицы, освежающие замершие хризантемы. Поэт нагнетает ощущение промозглого холода, которым окутан город и душа лирической героини. Ряд эпитетов: «желтоватых», «намокших», «грустных» «грузных», «желтых» хризантем соответствует поэти-

ческой характеристике города: «И шла потом по улице *пустынной*, / И шла потом по улице *вечерней*...». Образ легкого снега из припева песни внушает оптимизм и радость (он «кружился» и «...радовал прохожих») «легкий», «тишайший» снег, который сравнивается с цветочными лепестками («на лепестки похожий»). Этот снег внушает оптимистические надежды на счастье, хотя в самом стихотворении-песни отсутствует однозначно счастливый финал, все же он и не отвергается:

*И вдруг – о, это было так внезапно,
О, это было так внезапно,
Я так давно не видела тебя.
Ты шёл один, сутулясь и спеша,
О, это было так внезапно,
Я так давно не видела тебя.*

*Скользнул по мне заиндевелившим взглядом,
И стало мне неловко, оттого что
Подумать мог ты, будто подарили.
Подумать мог ты, будто подарили
Такой букет огромный. О, неправда!
Подумать мог, что дорог мне другой.*

Это стихотворение, ставшее впоследствии песней, на наш взгляд, может стать символическим ключом к казанскому периоду творчества Лидии Григорьевой. С одной стороны, им характерна точность в обозначении казанских реалий. На одном из творческих встреч Лидия Николаевна призналась, что она от Евгения Евтушенко получила урок точности и авторской ответственности за изображенное в стихотворениях.

В стихотворениях «Казань», «Эпилептик», «Мокро... Только ветер с пьяным отчаянием», «Сон» не только названия свидетельствуют о казанских впечатлениях, но за замысловатыми поэтическими строчками угадываются очертания реального города. Так, в стихотворении «Казань» легкими штрихами нарисован город с древней историей. Только казанец может угадать башню Сююмбеки, о котором упоминается в стихотворении:

*Упоительный свет предвечерний
городских кратковременных сумерек.
Старой улицы четкий и черный,
не совсем современный рисунок.*

*Но опять и невольно, и слепо,
обнажает безумное чувство
тонкий шпиль, уносящийся в небо.
Совершенство. Нелепость. Искусство.*

В творчестве Л.Н.Григорьевой есть стихотворения, в которых только название, например, «Казанский вокзал» связывает его с одним из символов Казани. Здесь юную поэтессу больше волнует свое трагическое мировосприятие: «Когда не хочется ни думать, ни мечтать... / Единственно, что мне принадлежало: / озера неба медленно лакать, / как блудная собака у вокзала». Лирическая героиня юной поэтессы противопоставляет себя этому городу, обыденности и всему миру. Развернутая метафора, олицетворяющая эту устрашающую реальность, является в образе ночи-огромного устрашающего существа: «Мне не сгинуть, не сгинуть, не пропасть, / хотя рассвета ожидать безбожно, / когда ночная пагубная пасть / ко мне приблизит зубы осторожно». Она дает клятву верности самой себе, своей музе: «Я завтра же, конечно, отрекусь / от этого кощунства, как от пользы, / но – не умру, не вымру, не сопьюсь, / горда и неизменна, словно Польша».

*Я здесь не хотела бы жить:
здесь нет красоты и величия.
Дома, как в долгах и бесстыдстве,
в земле увязают по грудь. (...)*

В импрессионистическом описании города ощущается светлое настроение, город освещен мягким «упоительным» предвечерним светом (если быть точнее – вечерняя алая заря постепенно угасает, переходя в сумерки). Поэту удалось передать и своеобразную архитектуру Казани («Старой улицы четкий и черный, / не совсем современный рисунок...»). Город, устремленный ввысь символизирует шпиль башни Сююмбике: «тонкий шпиль, уносящийся в небо. / Совершенство. Нелепость. Искусство».

Казань, как и многие российские города, город контрастов. Это и университетский город, город студентов и знаменитый культурный центр, но в нем есть и другие реалии. Стихотворение «Эпилептик» (24 ноября 1966 г.) приподымает завесу и этой стороны жизни казанцев. Надо отдать должное, с каким тактом Лидия Григорьева повествует о своем больном ученике, которого она обучала в качестве учительницы специализированной школы:

*В тепле запотеют ладони,
кота я возьму на колени,
и мой ученик, эпилептик,
сыграет на аккордеоне (...).*

В ряде стихотворений, написанных в 1960-х годах, а позднее включенных в сборник «Поэзия сновидений» (2015) Казань предстает в причудливых сновидениях лирической героини. Этот прием позволяет создать метафорический, почти фантастический образ города. Например, в стихотворении «Мокро... Только ветер...» (Казань, апрель 1966). Здесь олицетворение позволяет создать яркие запоминающиеся образы: ветра («Мокро... / Только ветер с пья-

ным отчаянием / бьется головой о край тротуара. / И вдруг подло - как нож в грудь – / Г У Л !»). Одним из любимых образов в облике Казани у Л.Григорьевой можно назвать образ уличного фонаря, в данном стихотворении разыгрывается даже небольшая сценка с его участием. Метафорический образ «долговязового фонаря на одной ноге», догоняющего лирическую героиню, сменяется уже живописной картиной, толпы фонарей:

ГУЛ НАРАСТАЛ ...

Я выглянула на улицу, увидела:
со всех сторон сбегаются фонари,
ослепительно таращат одинокие глаза,
беспомощно отталкиваются от земли бликами,
чтобы сохранить равновесие.

ГУЛ НАРАСТАЛ...

Нарастал свет – фонари приближались.

ГУЛ НАРАСТАЛ –

был ветер и дождь -

САМОЛЕТ НАБИРАЛ ВЫСОТУ.

В стихотворении «Сон», датированном также, как и предыдущее 24 ноября 2016 года, также создается фантазмагорическая картина на фоне города Казани, создающаяся быстрой сменой образов: «трамвай на длинных ногах», человек в одежде (под одеждой не было кожи, / были нервы – синие, как от холода) / похожей на дурной перевод с английского, / силится понять, кто он такой», необычно употребленное

понятие «желтый дом», по отношению к зданию финансово-экономического института, который до сих пор покрашен в желтый цвет, создает двусмысленность восприятия: «Кроме того, мне навстречу из желтого дома / (там, кажется институт финансово-экономический) выходили чужие тайны с большими глазами / и взлохмаченной, детской еще головой». Неправдоподобность событий обозначается и метафорой

«выходили чужие тайны с большими глазами». Л. Григорьева употребляет необычные сравнения «Зеленый, похожий на таксу самосвал / читал стихи неизвестного поэта». В причудливом сне лирическая героиня не может найти смысла жизни, своего пути: «И на углу, где я обычно поднимаюсь к университету, / мне сказали, что я не туда иду, / что того, что ищу, не было и нету, / (и так во всем)», но нет определенности и в реальной жизни, поэтому стихотворение завершается риторическим вопросом: «Гитара вовсю изгалялась. / Кончался мой сон. / А что начиналось?»

Лирическая героиня Л. Григорьевой трагически одинока в Казани, как может быть, одинока и беззащитна только творческая личность, в то же время у нее есть единственное спасение и убежище – это ее поэзия, где она может примерить себе разные маски, спрятать свою уязвимость. Показательно в этом отношении стихотворение «Я поляя внутри, как контрабас», датированное: «Казань, октябрь 1966 год».

Лидия Григорьева снова поэти-

чески точна и выразительна. Она находит оригинальный образ, чтобы выразить свое поэтическое опустошение: «Я поляя внутри, как контрабас...», которое пронизывает все стихотворение как развернутая метафора, накапливая музыкальные образы-ассоциации: «могу гудеть чуть нервно, но солидно...», «в громозком, но красивом теле / гнезятся неуверенные звуки...», «стою в затишье и в пыли, / вдали от музыкантов и концертов...», «сползает лак...», «не мучает желанье заиграть...», «нотная тетрадь». Параллельно вырисовывается образ неопределенной поэтессы, которая ждет слов поддержки и одобрения: «я молню о снисхождении вас», тактичной помощи в овладении поэтическим мастерством: «гнезятся неуверенные звуки, / чужие неталантливые руки / их объяснить когда-то не сумели...». Лидия Григорьева сплетает кружева стихотворений, объединяя их сквозными образами. Продолжая тему рассмотренного произведения в стихотворении «Нотная тетрадь» (1966), она разворачивает тему в новый поэтический рассказ:

Открыть тетрадь, в которой нет начала...

*Когда-то здесь мелодия звучала,
а я не знала. Что я знать могла?*

О, многое тогда скрывала мгла!

*Ночь южная, тревожная, большая,
мелодию и боль перемешала.*

Я плакала, как в дождь – небесный свод.

*Теперь уже никто не разберет
опавших листьев огненные ноты.*

*Но чудное, неслыханное что-то
сегодня вновь как будто прозвучало...*

А все тетрадь, в которой нет начала.

Не нарушая анализом обаяния стиха, отметим, что это стихотворение раскрывает нам содержание мелодий, которые звучат в душе лирической героини: «огненные ноты», «чудное, неслыханное что-то», которое вмещает и детские воспоминания, и девичьи грезы, и первые поэтические опыты. Инте-

ресно стихотворение «Казань. Глубокие двory...» (ноябрь 1967 г.), которое отражает и литературную обстановку в Казани 1960-х годов. В нем звучит призыв к псевдо-критикам о возможности свободного поэтического творчества: «О, дайте же ему домыслить, / и дайте что-нибудь сказать!».

*Казань. Глубокие двory
по горло завалило снегом.
О, будьте же всегда добры
наедине с сверхчеловеком!
О, дайте же ему домыслить,
и дайте что-нибудь сказать!
Ведь никогда не поздно свистнуть
и, пальцем тыча, указать.*

Стихотворение построено на контрастах: ироничное определение «сверхчеловек» соединено в одном предложении с призывом «Будьте добры». Горечь и разочарование звучат в строчках: «Ведь никогда не поздно свистнуть / и, пальцем тыча, указать».

В цепи зарисовок-миниатюр Лидии Григорьевой звучат, повторяясь мотивы уже рассмотренных стихотворений: в них и творческие искания, и поэтическая автобиография, вбирающая драматические реалии жизни молодой девушки в чужом городе: «Как мне выйти из этого круга?» (1971), «А с изменением погоды» (1966), «Стии мои! Чертовы карлицы...» (1966), «Начинается все с основ...» (1966).

Безусловно, в этих стихотворениях нет образа реального города, но в них запечатлена конкретная судьба юной героини, которая в этом городе обрела свой неповто-

римый поэтический голос и в благодарность за это, в своих многочисленных сборниках, изданных в типографиях разных стран мира, наряду с другими датами и географическими названиями, неизменно указывает и Казань конца 1960-х годов, таким образом, вписывая лирическую героиню ранних стихов в ткань поэтического образа Казани.

Свеобразным ключом к началу исследования специфики воплощения образа Казани в творчестве Рауля Бухараева стала его автобиографическая прозаическая зарисовка «Стеклянные цветы чужбины», в которой поэт размышляет об остром чувстве родины, детства, обостряющемся на чужбине. Запах черемухи, случайно повеявший из одного сада в Венгрии, напомнил автору о далекой родине. Р.Бухараев, размышляя о чувствах, воспоминаниях, вызванных запахом черемухи приходит к выводу

о том, что человек даже на лоне прекрасной природы, наслаждаясь свободой духа, творчества, даже в достатке, но вдали от родины, ощущает себя сиротой, чужим для всех, не понятым до конца. Поэт отмечает: «Ощущение сиротства – непреодолимость его в земной юдоли. Родина и чужбина: сад осенний, тебя не приемлющий, живущий собственной жизнью. Неприкаянность, случайность твоя в мире: где дом и кров твой?» Все эти ощущения утраты родного дома, языка щемящей болью пронизывают стихотворения Равиля Бухараева, что обуславливает существенное отличие его восприятия Казани по сравнению с другими поэтами, воспевающими Казань, не отрываясь от родины. Мотив сиротства пронизывает многие поэтические произведения Бухараева. Так, например, в авторском построчном переводе стихов, написанных на английском языке, одиночество лирического героя оказывается настолько глубоким, что даже его имя несет на себе оттенок «инаковости»: «Эхо этих строк потеряно в тумане./ Я вслушиваюсь в молчанье с прибрежного мола./ Я – и с Запада, и с Востока,/ но дом мой все равно слишком далеко./ Я вижу мглу, я слышу молчаливый зов,/ но разве я и сам потерялся? Ни в коей мере./ Осознанно бдителен, как настороженный зверь./ я чую только боль и пустоту, и сомненье, и страх./ Из всего, что я чую, можно составить список,/ если бы не молчанье, вторгающееся в мои уши,/ все остальное во мне очевидно и

понятно,/ остального себя я мог бы зажать в кулаке, этот мир странен и чужд, как мое имя «Равиль»,/ поскольку я выражаю совсем не то, что чувствую на самом деле».

Особенно остро трагическое ощущение утраты связи с Казанью, родиной воплощается в циклах «Милостыня родного языка» (венок сырого дыма) и «Казанские снега», в которых создается образ города детства «потерянного рая». Даже традиционное восприятие Казани как центра духовной жизни татар, в котором жили и творили великие классики татарского народа, окрашивается в грустные тона размышлениями о потере современным поколением родного языка, а значит, и непосредственной связи со своими корнями, своей историей. Лирический герой Равиля Бухараева оторван материально от своей родины, но всей душой стремится мысленно к ней, и в этом ему помогают произведения татарских писателей прошлого. В венке сонетов «Милостыня родного языка» он вспоминает поэзию Кул Гали, Тукая, Карахмета, Мухамадьяра, которые становятся залогом будущего процветания татарской поэзии и в тоже время в памяти лирического героя тесно переплетаются с образами улиц, рек и озер Казани: «Есть в озере Кабан заветный клад,/ Во глубине, среди сокровенной мглы,/ Мне златошвейной не узреть иглы,/ чтоб возродить узорных строчек лад». Здесь поэт вводит еще одну ассоциацию: Казань овеяна множеством легенд и преданий. Одной из

вечных легенд города становится легенда о золоте казанских ханов, брошенном на дно озера Кабан. В контексте стихов всего цикла мы осознаем, что это клад не столько материальный, сколько духовный.

Лирический герой вдали от родины остро ощущает свое одиночество, и в этой связи ему до боли близки такие простые, незаметные в обычной жизни детали, как «струенье дыма из трубы», «запах земли», «яблоко, одно на целый сад»: «Но тайна жизни стала мне ясней,/ Не зря топтался я в земной пыли:/ Мне возвращает память детских дней/ Струенье дыма, запахи земли,// Сад-огород и деревянный дом;/ И печка с красно-голубым огнем,// И – яблоко, одно на целый сад.../ Очнусь ли на чужбине среди дня,// (...) Ни дома нет, ни сада, ни меня:/ Немая память предана стократ». Тройное отрицание, выраженное частицей “ни” усиливает трагическое одиночество лирического героя. Как правило, в поэзии Р.Бухараева воспоминания о Казани, о детстве, помогают справиться с проблемами дня сегодняшнего. Казань предстает в разных временных пластах: историческое (противопоставляются героическое прошлое и порою жестокое, неумолимое настоящее Казани, а также личное (детство и взрослая жизнь и восприятие Казани лирического героя).

Размышления поэта приводят к трагическому осознанию, что утрата родины, языка, национальных ценностей ведет, в конечном счете, к потере своей индивидуальности,

а значит, и духовному исчезновению. Лирический герой сравнивает себя – представителя современного поколения татар, с древними героями, которые, несмотря на пытки, на насильное крещение сумели сохранить и донести до сегодняшнего дня свою культуру, свой язык, свои обычаи. И горьким упреком звучат для него риторические вопросы: «Как четки, перебрал свои года:/ Куда спешил я, поспешал – куда?/ Ты видела, душа, и рай, и ад.// Ты обрела покой – тебе пора./ Но все, что я любил еще вчера,/ вернется ли когда-нибудь назад?», или «Мухаммадьяра и Тукая речь!/ Зачем, рожденный, чтоб тебя беречь,/ Я побираюсь у страны родной?// Отчаянные чудеса творя,/ я сделал все, что мог, и все зазря:/ Весны не сделать ласточке одной».

Не снимая с себя ответственности за утрату родного языка, Равиль Бухараев поднимает острый вопрос для современного татарского народа о сохранении татарского языка и татарской литературы, а, следовательно, и татарской нации. Особенно это показательно, для человека владеющего более десятию языками, но утратившего свой родной. «В ушах – взамен родного языка/ Стоят стенанья. Самый черный мрак/ Сгущается в душе исподтишка:/ Обочь Казани кровью тек Булак./ (...)// Когда же разум смутен и угрюм,/ Я вспоминаю – в детстве, в тишине,/ Ни разу сна не отравляли мне/ Шум недоверья и злословья шум».

Читая стихотворения Равиля Бухараева, начинаешь по-новому

смотреть на традиционные вещи, на привычные с детства улицы Казани, острее ощущать свою ответственность за сохранение татарского языка и культуры. И хотя доминирующим настроением в поэзии Бухараева, посвященном Казани, является грусть, но грусть его «светлая», потому что он любит свою родину, он всей душой стремится к ней, поэтому часто в стихах о Казани появляется образ дороги, которая обещает желанную встречу. В стихотворении «Бесконечный поезд» тесно переплетаются образы дороги, чистого, но холодного снега, до боли знакомых белых берез родины, бесконечного поезда, мчащегося через века и космические пространства на ро-

дину, к Казани: «Призываю тебя,/ Пролетая навывлет лесами,/ Призываю, зову,/ Пополом разрезаю поля!// Поезд мой бесконечный,/ И тысяча лет до Казани,/ Зимняя тысяча лет от нельзя до нельзя...// Здравствуй, родина, снег мой!// До свиданья, уходим.../ Ничего не находим, – только березы чисты (...)! Летят поезда через снег.../ День и ночь, день и ночь, день и ночь –/ Как знакомо!/ От себя, от себя, от себя –/ Нескончаемый бег!».

Таким образом, два замечательных современных поэта Равиль Бухараев и Лидия Григорьева внесли значительный вклад в создание поэтической летописи Казани, каждый создав свой, оригинальный образ.

Сведения об авторе: Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru.

Аннотация: Автор рассматривает образ Казани в творчестве известных поэтов Р.Бухараева и Л.Григорьевой, чьи жизнь и творчество связаны с родным городом.

Ключевые слова: Казань, город контрастов, Лидия Григорьева, Равиль Бухараев.

Abstract: The author considers the image of Kazan in the works of famous poets R. Bukharaev and L. Grigorieva, whose life and work are connected with their native city.

Key words: Kazan, the city of contrasts, Lydia Grigorieva, Ravil Bukharaev.